

1. Чу И

В тихой роще зелёные кроны деревьев буйно раскинули ветви под лучами солнца.

Здесь стояла такая умиротворенная тишина, что время от времени среди глубоких зарослей раздавалось лишь звонкое щебетание птиц.

Необычайно тихо.

Впрочем, эта тишина вскоре была нарушена шумом.

Алая фигура мелькнула среди деревьев, и повсюду, куда она проносилась, с криками взмывали ввысь стаи испуганных птиц.

Меж деревьев поплыл слабый запах крови, и маленькая ярко-зелёная птичка, хлопая крылышками, с любопытством уставилась на ворвавшегося сюда человека.

— Ловить! — неподалёку слились в единый галвёж голоса преследователей. От прежнего покоя не осталось и следа, вокруг царили лишь шумиха и волны убийственной ауры.

Лес был немаленьким, но в конце концов у него имелся предел, а за этим пределом лежало глубокое ущелье.

Ущелье так и называлось — Долина Безымянная. За долгие годы немало смельчаков пыталось его исследовать, но ещё никто не вернулся оттуда живым.

Неизвестно почему, но человек в алых одеждах направился именно туда. Зелёная птичка сделала круг в воздухе и с любопытством последовала за ним.

— Лань Цюэ, посмотрим, куда ты теперь сбежишь! — Алая фигура приближалась к Долине Безымянной всё ближе, погоня настигала её по пятам.

Человек в алых одеждах на мгновение замер. Прошло уже столько времени, значит, господин должен быть в безопасности. А вот её собственные раны уже действительно не позволяли держаться на ногах.

После этого она без малейших колебаний шагнула вниз.

Ущелье было очень глубоким, и подоспевшие преследователи не увидели внизу ничего.

Главарь погони свесился сверху и бросил взгляд вниз: сквозь тонкую дымку, окутывавшую всё словно полупрозрачная вуаль и создававшую сказочную атмосферу, проступала лишь бесконечная бездна, не имеющая ни дна, ни конца.

— Что теперь делать? — спросил другой.

— С такой высоты упасть — и наверняка не выжить, — помолчав немного, произнёс мужчина во главе. — Пустите слух о гибели Лань Цюэ, и тогда Павильон Лань станет мишенью для всех и каждого.

— Есть!

— Но эта Лань Цюэ нравом дерзкая и коварная, так что на всякий случай побудем здесь ещё

пару дней, чтобы не попасться на удочку, — сжав зубы, проговорил главарь, словно о чём-то вспомнив. Они пробыли здесь ещё несколько дней, а убедившись, что никто больше не поднялся наверх, ушли.

Чего они не заметили, так это того, как в один из моментов их невнимательности птица с изумрудно-зеленым оперением, словно вырезанная из лучшего нефрита, камнем рухнула вниз, в Долину Безымянную.

Впрочем, даже если бы они обратили на нее внимание, вряд ли стали бы придавать этому значение.

Чу И очнулась от грубоватого прикосновения к лицу.

Ее ресницы слегка затрепетали, и она открыла глаза. Первое, что попало ей на взгляд, — это довольно красивая птица.

Неужели она умерла?

Нет, она была жива.

Лишь на мгновение растерявшись поначалу, Чу И тут же захлестнула боль, пронзившая каждый уголок ее тела. Впрочем, многолетняя выучка не позволила ей сразу же вскрикнуть от боли, ее выдало лишь слегка сбившееся дыхание.

Красный плащ куда-то заделся, обнажив ее изначальную черную одежда воительницы, превратившуюся в лохмотья.

Чуть попытавшись циркулировать внутреннюю энергию, Чу И ощутила, как к горлу подкатил соленый вкус крови.

Боль стала еще сильнее!

Даже при всей своей нестигаемой воле Чу И едва сдержалась, чтобы не застонать в голос.

На это движение ушло последнее оставшееся у Чу И в теле усилие.

А ярко-зеленая птица тем временем продолжала прыгать по ее телу, и Чу И казалось, что от этого ее раны расходятся еще сильнее.

Кровавый привкус подступал к самому горлу, но у нее не осталось сил даже на то, чтобы вытереть кровь. Постепенно вейки стали казаться всё тяжелее, а сознание — всё туманнее.

Как же обидно, пронеслось в голове у Чу И, ведь она так и не увидела своими глазами, что хозяин в полной безопасности.

Неизвестно почему, но сидевшая на ней птица вдруг вспорхнула, и в тот же миг Чу И уловила едва заметный аромат лекарственных трав.

С трудом приоткрыв глаза, она успела заметить лишь мелькнувший алый силуэт и, не успев даже принять защитную стойку, потеряла сознание.

Прежде чем ее разум погрузился во тьму, ей показалось, будто у самого уха прозвучал еле слышный, полный горечи вздох.

— Ах ты, — пришедшая оказалась женщиной в красных одеждах. Она бережно подняла лежащую на земле Чу И, а изумрудная птица кружила рядом, ластится и выписывая круги, — вечно ты меня не слушаешься.

Птица с усердием потерлась о плечо женщины.

— Эх, — женщина посмотрела на лицо Чу И в ее руках, белое как бумага и лишенное всяких красок. — Ну и упрямый же ты ребенок. Получив столь тяжелые ранения, любой другой на её месте давно бы испустил дух, и никто не взялся бы за такое лечение.

Однако теперь, когда она оказалась в её руках, всё это стало поправимым.

Упрямые дети всегда вызывают особое сострадание.

Когда сознание Чу И вновь вернулось в тело, она обнаружила, что находится в другом месте.

Это была чистая и скромно обставленная комната. На подоконнике стоял небольшой горшок с цветущими растениями, а от постельного белья, казалось, исходил запах солнечного света.

Свежесть и тепло.

Тем не менее, всё это не заставило Чу И ослабить бдительность. Кто её спас?

Чу И попыталась приподняться, но почувствовала, что во всем теле царит слабость, а любое движение отзывается пронзительной, невыносимой болью. Она прекрасно знала о тяжести своих ран: меридианы были повреждены, даньтянь почти разрушен, и хотя при падении она инстинктивно прикрыла жизненно важные области, суставы сильно пострадали.

Но сейчас, пускай тело всё ещё болело, ей стало намного легче, чем прежде.

Раздался скрип, и дверь отворилась.

Солнечный свет снаружи был настолько ярким, что хлынул в комнату вместе с вошедшим человеком. Зрачки Чу И на мгновение сузились. Она внимательно оглядела женщину в красном, появившуюся на пороге, но не проронила ни слова. Если говорить исключительно о внешности, передняя перед ней девушка была превосходна — пожалуй, она ни в чём не уступала той самой особе, к которой в последнее время испытывал трепетные чувства её собственный господин. Кожа бела как снег, брови словно нарисованы тушью, а черты лица изящны и в то же время исполнены живой энергии.

На ней было такое же красное платье, как у господина, но от него исходило не колющее глаза ощущение, а бесконечный уют.

Глаза — светлые и прозрачные, словно лучшая полированная лазурь, отражали самое тёплое солнце.

— Очнулась, — произнесла девушка, несколько не смущаясь настороженности в её взгляде, и подошла к постели, держа в руках чашку с ещё дымящимся отваром, от которого за версту

разило горечью.

— Ты кто? — Голос Чу И слегка хрипел, но в то же время обладал приятной бархатистостью — словно кошачья лапка царапнула, вызывая лёгкий зуд.

— Чжаоян, — девушка бережно приподняла Чу И. Та ощущала полную слабость во всём теле и могла лишь позволить усадить себя и опереться на мягкие подушки у изголовья.

— Я — Чжаоян, — произнесла это, она наклонилась совсем близко к Чу И, так что та смогла уловить исходивший от неё лёгкий аромат лекарств, смешанный с едва заметным теплом, которое окутало её с головы до ног. — Это Цуйхуа позвала меня, — на лице Чжаоян по-прежнему играла едва заметная, легкая улыбка, словно она вовсе не замечала холодности Чу И. — Какая же она молодец, сослужила отличную службу.

Это имя — Цуйхуа...

— А тебя как зовут? — Чжаоян, казалось, заметила нежелание Чу И общаться, но неторопливо добавила: — Как-никак, я спасла тебе жизнь, так что своего спасителя ты назвать всё же должна.

Чу И долго смотрела ей в глаза, но в конце концов сдалась и, поджав губы, произнесла:

— Чу И.

— Ну же, выпей лекарство, — Чжаоян не стала расспрашивать дальше, а широко улыбнулась, зачерпнула ложку отвара и протянула ее Чу И.

Брови Чу И на мгновение сошлись на переносице.

— Умница, выпьешь — дам конфетку, — в голосе Чжаоян слышалось веселье, она говорила мягко, словно баюкала маленького ребенка.

Чу И с явным отвращением посмотрела на нее.

Чжаоян, не меняя улыбки, продолжала держать ложку. Спустя мгновение Чу И снова сдалась.

Чжаоян привычным движением продолжила поить ее лекарством, а в ее глазах мелькнула отчетливая усмешка: эта девчонка явно была из тех, у кого суровый вид сочетается с мягким сердцем. Стоило ее руке чуть дрогнуть, как ребенок, хоть и нехотя, но согласился.

Поначалу Чу И чувствовала себя скованно, но постепенно расслабилась.

Движения Чжаоян были удивительно нежными и привычными. Когда миска опустела, Чу И едва заметно выдохнула.

Тут же она почувствовала, как ей в рот сунули что-то сладкое, с долгой, приятной кислинкой. Глаза Чу И чуть расширились — это угощение пришлось ей по вкусу.

— В долине особо ничего нет, — Чжаоян отставила пустую миску в сторону, и в ее руке появилась изящная маленькая тарелочка. — Это я сама засахарила финики, которые растут перед долиной, вкус должен тебе понравиться.

Долина? Уловив знакомое слово, Чу И резко подняла голову и уставилась на Чжаоян.

— Это Долина Безымянная? — недоверчиво переспросила она. Разве не говорили, что Долина Безымянная — гиблое место?

— Да, — Чжаоян аккуратно вынула косточку из финика. Увидев, что Чу И проглотила первую ягоду, она отправила ей в рот еще одну, а заодно положила парочку и себе. Я прожила здесь много лет и видела мало чужаков. И хотя выходила отсюда не так уж часто, но знаю, как снаружи отзываются об этой Долине Безымянной. Просто тайные техники нашей школы скрывают это благодатное место, полное доброй энергии фэншуй.

Выйти? Пальцы Чу И слегка дрогнули. Значит ли это, что она тоже сможет отсюда выбраться?

Ты ведь, — однако Чжаоян, словно насквозь видя её мысли, снова скормила ей засахаренный финик и произнесла: — Об уходе из Долины пока даже не думай.

Разве ты сама не знаешь, насколько тяжелы твои раны? Я с таким трудом вытащила тебя с порога врат призраков, так что забудь пока о том, чтобы уходить.

Взгляд Чу И потемнел.

Вот ведь! — Чжаоян согнула указательный палец и щелкнула Чу И по лбу, оставив там едва заметный красный след.

Чу И и сама не понимала почему, но рядом с Чжаоян её бдительность словно падала до самого минимума.

Разумеется, нельзя было исключать и то, что сейчас она просто валилась с ног от слабости и не могла увернуться.

Не бойся, я постараюсь исцелить тебя как можно быстрее, — Чжаоян утешительно улыбнулась Чу И. — Но мне потребуется плата.

Чёрные глаза Чу И устремились прямо на неё.

Я хочу отыскать человека, — в светлых глазах Чжаоян, казалось, скопилась бездонная печаль. — Помоги мне найти одного человека.

Услышав это, Чу Чжаоян заметила, как печаль в её глазах постепенно рассеивается. Она пристально посмотрела на Чу И, затем протянула руку и ущипнула её за щеку, словно говоря это сама себе:

Если бы тот ребёнок был жив, он бы наверняка был уже в твоих летах.

Чу И ничего не отвечала, но спустя долгое время всё же тихо кивнула.

Что я вообще тебе всё это говорю? — Чжаоян снова протянула руку и потрепала Чу И за щеку. — У молодой девушки лицо должно быть чуть круглее, так приятнее её щипать.

Пожалуй, лучше будет откормить тебя до круглых щек, — Чжаоян потерла подбородок указательным пальцем, сохраняя серьёзное выражение лица, в то время как в её глазах плескалось очевидное веселье.

Чу И никак не могла привыкнуть общаться с такой полной жизненных сил женщиной, как

Чжаоян. Сама она от природы была человеком молчаливым, и на её лице никогда не отражалось столько радостной энергии, как у Чжаоян.

И всё же она находила, что эта светлая улыбка необычайно к лицу Чжаоян.

Совсем как её имя — словно только что взошедшее солнце, не слепящее глаза, но дарящее достаточно тепла.— Лекарство начнет действовать, и у вас может немного закружиться голова, — Чу И поставила пиалу на поднос, заботливо вытерла уголки рта Лань Цюэ, помогла ей лечь и укрыла одеялом, после чего добавила: — Полежи пока немного, а я пойду приготовлю травы, необходимые для лечебной ванны.

Лечебная ванна?

— Твои раны слишком тяжелы, тебе необходима особая лечебная ванна для восстановления, но я боюсь, что сила лекарства окажется слишком сильной, и твое нынешнее тело ее не выдержит, поэтому сначала мы несколько дней попьем отвары, чтобы привести организм в порядок.

Чжаоян легко улыбнулась Лань Цюэ:

— Отдыхай как следует.

Лань Цюэ моргнула и почувствовала, как на нее накатывает сонливость. Подумав, что это и есть то самое действие лекарства, о котором говорила Чжаоян, она поддалась этому чувству и медленно закрыла глаза.

Лань Цюэ не знала, что стоило ей крепко уснуть, как Чжаоян, только что ушедшая с подносом в руках, тихо приоткрыла дверь и вернулась.

Ярко-зеленая птица вспорхнула с плеча Чжаоян, сделала круг и опустилась прямо перед Лань Цюэ, а ее клюв легко коснулся лица девушки.

Глаза птицы были того же изумрудно-зеленого цвета, что и ее перья, — словно чистейший, прозрачный и безупречный зеленый нефрит.

— Ладно-ладно, я знаю, что ты любишь малышку Сяо И, только не буди ее, — с улыбкой произнесла Чжаоян, наблюдая, как птица прыгает туда-сюда по Лань Цюэ.

Она всегда любила детей с простым и несгибаемым характером, поэтому привязанность птицы к Лань Цюэ не удивила Чжаоян.

Чжаоян присела рядом с Лань Цюэ и коснулась указательным правом пальцем межбровья девушки. Взгляд этого ребенка заставил ее вспомнить нетающие снега на вершине горы — чистые, но не слишком холодные.

Ребенок с таким несгибаемым характером должен жить счастливо и свободно, а не согнуться в этом месте, не оставив даже костей.

Кончик пальца Чжаоян озарился сиянием белого света. Этот свет словно обрел собственный жизни и стал постепенно окутывать Лань Цюэ, пока та не превратилась в плотный кокон.

Чжаоян так и стояла неподвижно, пока на небе не забрезжил рассвет и первый луч солнца не пробился сквозь окно. Только тогда плотный белый кокон исчез, растаяв в ничто.

На лице Чжаоян расцвела широкая улыбка. Цуйхуа, все это время стоявшая в изголовье кровати, с явным сожалением еще раз легонько клюнула Лань Цюэ в щеку и вспорхнула на плечо к Чжаоян.

— Вот так все и наладится, — поглаживая перья Цуйхуа, легко произнесла Чжаоян.

Цуйхуа встряхнулась и потерлась о ладонь Чжаоян.

— Пойдем пока выйдем, — Чжаоян бросила взгляд на Лань Цюэ. Лицо девушки выглядело намного лучше, чем прежде, а улыбка на губах Чжаоян становилась все шире. Когда Чу И проснулась, она почувствовала, что её силы словно немного вернулись.

Неизвестно, было ли дело в выпитой миске лекарства, но спалось ей минувшей ночью на редкость сладко, а во сне всё тело непременно окутывало мягкое тепло.

— Ну всё, давай сначала поедим, — Чжаоян для вида постучала снаружи в дверь, а затем толкнула её и вошла.

Чу И поджала губы и прислушалась к ощущениям: хотя в даньтяне по-прежнему было пусто и гулко, сил в теле всё же прибавилось. Видя, что Чжаоян снова собирается её кормить, Чу И почувствовала себя крайне неловко.

— Возле кровати лежит одежда — это моё, если не брезгуешь, надевай пока её, — заметила её замешательство Чжаоян, моргнула и добавила: — По-моему, мы с тобой одного роста, так что неудобно быть не должно.

Чу И протянула руку к оставленной сбоку одежде.

— Тогда я пока вынесу завтрак, а ты одевайся и выходи.

— Всё для умывания я принесу чуть позже.

И вот Чу И увидела, как Чжаоян выносит только что принесённую еду обратно. Она не совсем поняла происходящее, но всё же поспешно оделась.

Её прежний чёрный обтягивающий наряд уже давно превратился в лохмотья. Одежда, приготовленная Чжаоян, оказалась очень удобной, но Чу И почти никогда не носила платьев — она поджала губы и смущённо подтянула подол.

Не считая того случая, когда одна из госпож внезапно вздумала посмотреть на неё в приличных женских нарядах, она отроду не облачалась в подобное, и поначалу ей было действительно трудно привыкнуть.

Интересно, как там госпожа? — в глазах Чу И мелькнула тень.

— Чего стоишь как истукан? — Чжаоян вошла с тазом горячей воды, поставила его на скамью, окинула Чу И беглым взглядом и весело произнесла: — А Чу И очень даже красива!

Чу И поджала губы, испытывая неловкое смущение.

Взгляд Чжаоян, полный искреннего восхищения и изумления, заставил её зардеться.

Кончики ушей Чу И постепенно порозовели, и в этот момент ей в объятия бросилось что-то зелёное.

— Видишь, даже Цуйхуа считает так же, — Чжаоян оттянула Чу И в сторону. — Ладно, давай сначала уоемся.

Цветы сливы и алый наряд удивительно шли Чу И: в ней не было той пошлой слащавости, какая обычно присуща женщинам в красном, а её собственная холодная, отрешённая красота в сочетании с ярко-алым цветом приковывала к себе все взгляды.

Черты лица Чу И не отличались утончённостью до предела, но, стоило им соединиться вместе, как при первом взгляде она казалась просто миловидной, однако при более пристальном внимании привлекала всё сильнее.

Чжаоян больше всего нравились её глаза — совершенно чёрные, но при этом лишённые мрачности.

— Погоди-ка, — Чу И с некоторым неудовольствием завершила умывание под пристальным взглядом Чжаоян, и уже собралась выйти, как та вдруг окликнула её.

— Я помогу тебе причесаться, — Чжаоян усадила Чу И рядом с собой. — Это быстро.

Чу И не подходили слишком замысловатые причёски, да она их и не любила.

Чжаоян лишь собрала большую часть её волос сверху и крепко зафиксировала их красной нефритовой шпилькой, не добавив больше никаких украшений.

— Словно лотос, выходящий из чистой воды, без всяких искусственных украшений, — заметив, как кончики ушей Чу И алеют всё сильнее, Чжаоян перестала её поддразнивать. — Ну вот, теперь иди завтракать.

— Можно сказать, что в этой долине круглый год стоит весна, — толкнув дверь, Чу И на мгновение замерла от удивления.

Перед ней расстилались бесчисленные цветущие персиковые деревья. На каждой ветке наперегонки друг с другом распустились мириады розовых бутонов, и когда налетал легкий ветерок, лепестки кружились в воздухе, а земля быстро покрывалась тонким розовым ковром.

— Цуйхуа очень любит эти деревья, — Чжаоян смахнула с её головы залетевший лепесток персика. — Особенно её привлекают персики на ветках, — Чжаоян слегка пожала плечами, и даже этот жест в её исполнении выглядел неизменно изящно и непринужденно.

Чу И поджала губы: для этой чуточку шумной птицы подобное поведение было вполне естественным.

Завтрак Чжаоян приготовила сама: простая рисовая каша да лёгкие закуски, оставляющие долгое послевкусие.

— Всё это я мариновала сама, — указала Чжаоян на золотистые ломтики редьки среди гарниров. — Цуйхуа это тоже очень любит.

Взгляд Чу И переметнулся на сидевшую рядом птицу — по всему было видно, что Цуйхуа и вправду души в них не чаёт.

То, что Цуйхуа завтракает вместе с ними, казалось Чу И совершенно нормальным, вот только почему-то больше всего в своих рассказах Чжаоян упоминала именно птицу.

Чу И молча слушала, как Чжаоян описывает всё, что есть в Долине Безымянной, лишь изредка односложно отзываясь в ответ.

Вдруг голос Чжаоян умолк.

Чу И в недоумении подняла на неё взгляд.

— Прости, кажется, я слишком разгорячилась?

<http://bllate.org/book/22151/2307540>